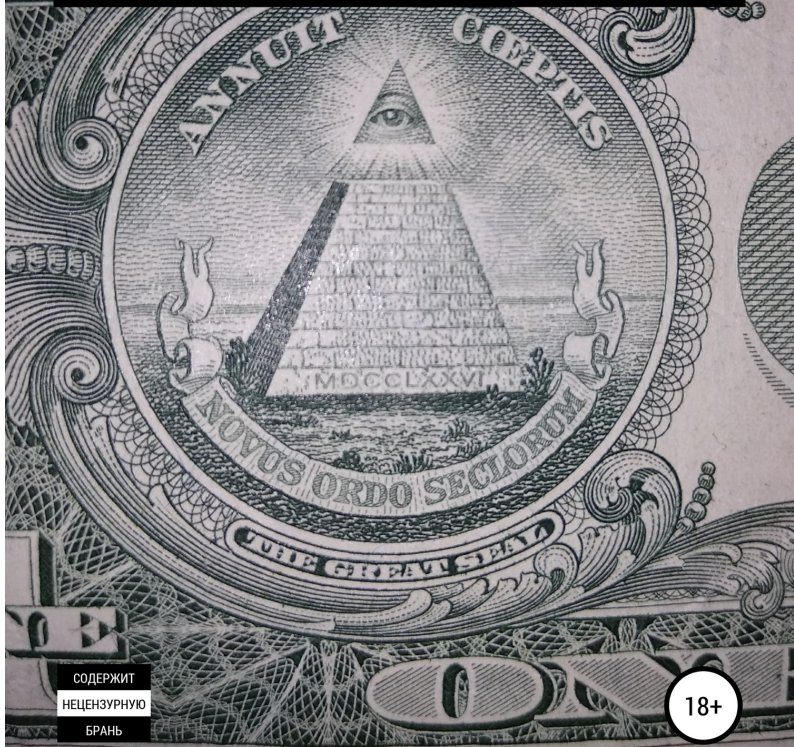

Илья Плясов

В поисках счастья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Валентинович Плясов

В поисках счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40642641

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10840-0

Аннотация

Книга, помогающая жить. Главный герой попадает в новый мир, где есть те же проблемы, пороки общества и власти, видимые и тайные правители, секретные спецслужбы. В произведении показан существующий миропорядок, механизмы его поддержания, управления населением, роль спецслужб в этом, их подноготная, варианты завербоваться и найти место «потеплее». А главное – их дьяволоугодная суть. С этими темами переплетается другая – поиск счастья. Главный герой отвечает на вопрос: «Что такое счастье и в чём оно?». В повести есть несколько диалогов и монологов, показывающих разные точки зрения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	7
30.08.	25
01.09.	33
18.09.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

1

На мокрой от дождя улице была темнота, которая, казалось, проникала через окна в кабинет Станислава, сидевшего без движения с опущенной головой, и гасила свет одиноко висящей включённой лампы.

Тишину нарушил звонок «мобильного», на экране которого высветилось: «Жена» – и это, пожалуй, был единственный человек, с кем хотелось поговорить и попрощаться.

– Да, Света.

– Привет. Ты где? Поздно уже.

– На работе задерживаюсь.

Повисла пауза, после которой тон Светланы стал грубым.

– Слушай, она красивее? Моложе? Или просто в постели лучше?

– Ты о ком? Свет, я на работе. Свет, я устал. Я, наверное, сегодня не приду.

– Конечно, зачем? Лучше у неё переночевать. А твоя эта ***** поди и готовит вкуснее...

– Света, прости. За всё прости.

Станислав прервал разговор, спустя несколько секунд поднялся и медленно направился к выходу. Он шёл по абсолютно пустому коридору, и даже абсолютно пустому зданию философского факультета, где работал, и размышлял: «В чём же всё-таки смысл жизни? За всю историю челове-

чества никто так и не дал чёткого и окончательного ответа. И я не дал, хоть и пытался. Смысл чего-либо – это, по сути, цель. Ну, или «надцель», как многие говорят, так сказать то, для чего нужна цель.

Но всё упирается в проблему того, что, как известно, любые знания, познания открывают нам глаза на то, что мы не знаем гораздо больше. Для объяснения, познания одного факта требуется привлечь, объяснить и познать ещё множество новых, дополнительных. Каждый из которых, в свою очередь, тоже можно будет познать только используя множество других новых фактов, и так до бесконечности...»

Он вышел на лестницу, и стал не спеша подниматься.

«Таким образом, дать более или менее вразумительный ответ на вопрос «В чём смысл жизни?», конечно, можно. Например, «в продолжении рода». Но возникнет ещё сто вопросов: «Что такое «продолжение рода»?», «Что делать, если продолжение рода будет несовместимо с жизнью индивидуума?», и, самое главное, «Зачем нужно продолжение рода?». Нужно для сохранения человечества? А это нам для чего? И так далее. Нет. Мне кажется, пытаться объяснить смысл жизни какими-то научно-философско-материалистическими раскладами – тупиковый путь...»

Станислав поднялся на площадку последнего этажа и пополз вверх, на крышу, по прикреплённой к стене железной отвесной лестнице.

«Тут дело в некоем субъективном-иррациональном. Живёт

человек, радуется жизни, влюблён. У него есть смысл жизни – любить, завести детей...»

Холод, ветер, темнота гнали обратно, внутрь, но наш герой твёрдо стоял на месте.

«Причём уже завтра у него же смысл жизни может стать совершенно другим. А может и вовсе исчезнуть. И это не значит, что его обязательно нужно где-то искать. Его просто нет, и всё. И это вовсе не плохо. Вот у меня его нет. И никогда не было, как я сейчас понимаю. Да, я несчастлив, и никогда по-настоящему не был счастлив. Наверное, поэтому и смысла жизни нет. Но ни это важно, а важно только то, что для меня смысла жизни нет. Поэтому я сейчас сделаю последний шаг. И мне не нужна какая-то особая причина для этого, вроде семейных неурядиц или проблем с работой. Я просто так хочу. Всё».

2

Было темно. Сиял мощный источник почти белоснежного света впереди, но находился он далеко, за большими воротами. Да, висели ещё тускловатые лампы рядом с палатками, что выстроились стройными рядами по бокам от длинной плохо организованной очереди, но этого было мало.

То и дело слышались возгласы: «Женщина, вас тут не стояло!», «Молодой человек, а вы за кем?», «Куда вперёд всех лезете?!» – и прочие, создававшие впечатление, что собрались все в районной поликлинике сдавать анализ крови.

«Где я? – подумал Станислав, стоявший в «хвосте». – Так, надо размышлять последовательно. Последнее, что помню, как поднимался по лестнице высотки, где работаю, или работал. Так. Но здесь раньше я никогда не был. Куда я попал? Что мне делать?»

Он огляделся. Слева в одной из палаток жарился и аппетитно пахнул шашлык. Хозяин соседней всё призывал сыграть в напёрстки. Вокруг него собралась небольшая толпа. «Кручу, верчу, запутать хочу...» – неслась оттуда известная всем фраза. В суматохе у одного зеваки «щипач» вынул кошелёк из кармана пиджака и тут же затерялся в очереди.

Станислав повернул голову направо и увидел... нет, не палатки, хотя они там были, и было их много. Прежде взгляд цепляла девушка лет двадцати пяти, с прелестным личиком

и кудрявыми белыми волосами, которая даже под тусклым освещением, казалось, сияла. Такие красавицы, особенно с оттенком смущения на лице как у неё – будто бы стесняясь своей привлекательности и продолжительных взглядов мужчин – вызывают желание сильного пола смотреть на них бесконечно, не сходя с места, ну или подойдя поближе. Что-то знакомое и одновременно совсем новое пронзило тело. Точно. Когда Свету увидел в первый раз. Но сейчас сильнее гораздо.

– Идти будем? – недружелюбно спросил здоровяк с низким голосом позади, и слегка подтолкнул засмотревшегося. Но этого «слегка» хватило, чтобы тот оступился и упал.

Должен был разгореться конфликт, но виновник происшествия повёл себя достойно: извинился, помог подняться на ноги, отряхнул одежду упавшего и даже стал совать ему в лицо стодолларовую купюру.

– Не надо, – отказался Станислав. – Всё в порядке.

В общем, всё действительно было в порядке, кроме нахождения неизвестно где, почему и для чего, а также исчезновения прекрасной незнакомки.

Чтобы её отыскать, да заодно и оценить масштаб очереди, стоило отойти вправо, к палаткам. Но блондиночка как сквозь землю провалилась. И не мудрено: толпа растянулась метров на пятьдесят, не меньше. По идее, надо было вернуться на место. Но что это за такая идея, из-за которой нужно еле двигаясь ожидать столько времени, и совершенно

неясно, чего именно?

«Купи кукурузу, вкусная, солёненькая!», «Сувениры с изображением господина!», «Тир, тир! Попади в Ахмеда – получишь приз!» – разносилось вокруг. Чуть поодаль стояли несколько синих кабинок с пошарпанными наклейками «WC». Станислав зашёл в ближайшую, не по нужде, а чтобы спрятаться от шума и суеты и хорошенько всё обдумать.

Но размышлениям мешал диалог из соседнего туалета. Сначала он был тихим, затем голоса слышались всё сильнее:

– Значит так, – донёсся глубокий баритон, – деньги вперёд.

– Хватит? – прозвучал неуверенный вопрос.

– Хватит. Теперь слушай. Подойдёт очередь, говори, что ничего плохого за тобой не числится, короче чист, как слеза младенца. А охранникам дай на лапу, вот столько, понял? Скажи, что на Верхний этаж хочешь. Вот столько, понял?

– Понял.

– Да, и скажи, что ты от Миши. Усёк?

– Да вроде ясно всё.

– Тогда всё. И про встречу нашу забудь.

Двое вышли из кабинки, сначала один, затем другой, а дверь соседней отварилаcь спустя пару минут. Станислав огляделся и увидел своё место – толкнувшего его здоровяка. Это было значительной удачей, особенно потому, что тот непостижимым образом оказался всего в нескольких метрах от входа.

Вот уже большие ворота оказались за спиной. Удивительным было то, что источник белоснежного света ничуть не приблизился, он оставался далеко впереди и выше.

– Имя? – грозно произнёс кто-то.

Это был охранник. Рядом – его напарник. Одеты оба в чёрную униформу с английской надписью «security», видимо, для солидности.

– Имя? – повторил он же.

– Станислав. Станислав Евгеньевич Кучеров.

– Расскажите про вашу жизнь. Преступления совершали?

– Нет, что вы! Я человек законопослушный.

– А жене изменяли?

– Жене? Нет.

Тут опрашиваемый нащупал у себя в кармане портмоне, робко достал его, вынул все деньги, и протянул их как бы между собеседниками, не решаясь отдать кому-либо предпочтение.

– Это что? – спросил второй.

– Я хочу на верхний этаж попасть. Я от Миши.

– Это что? – повторился вопрос.

– Тут три тысячи рублей.

– Ты куда попасть хочешь?

– Ну, наверх.

– Так что ты нам даёшь? Чепуху какую-то.

Эта фраза воспринималась не иначе, как набивание це-

ны. Но в портмоне действительно больше ничего не было. Станислав по привычке положил руки в карманы пиджака, и неожиданно нащупал в одном из них купюру – сто долларов.

«Наверное, тот мужик всё же сунул, из-за которого шлёпнулся» – подумал он.

– Вот, всё что есть, клянусь.

– Ну вот, «Ин год ви траст», – прочитал с взятой купюры один из охранников, – Другое дело! Ну как, на Верхний его?

– На Верхний! Иди, проводи.

Вместе с тем, что взял деньги, они прошли несколько метров, завернули за угол. Там был лифт, двери которого моментально разъехались в стороны. Показалось, что источник белого света стал ещё дальше и слабее.

– Мы куда?

– Как куда? На Верхний этаж, как заказывали.

Кабина действительно начала подниматься, вскоре остановилась, а спустя мгновение – открылась. Теперь перед лицом были другие ворота, очень красивые, с огромным замком. Сопровождающий достал ключ и с необычайной лёгкостью отворил их.

– Ну, всё, проходи. Давай, удачи.

– Спасибо. Вам того же.

Станислав неуверенно сделал несколько шагов вперёд. Ворота за ним закрылись. Он прошёл ещё немного и осмотрелся. Окружающая действительность напоминала какой-то земной загородный парк, похоже августовский или сентябрь-

ский, если судить по тому климату, в котором ему довелось жить. В основном всё было зелено, но кое-где уже виднелись жёлто-красные листочки и сухая трава.

Тут как чёрт из табакерки возникли сразу пятеро ничем не похожих друг на друга мужчин.

– Станислав Евгеньевич, верно? – спросил один из них.

– Верно. А вы...

– Майор Семёнов. Управление службы порядка. Нам нужно доставить вас к месту назначения.

– К какому ещё месту?

– Да не волнуйтесь так, это обычная процедура, её все проходят. Вы ведь видите, что тут никого нет. Или хотите здесь, в лесу, один жить?

Собственно, последнее не являлось для новоприбывшего чем-то категорически неприемлемым, но всё же городская стихия была ему больше по нраву.

– М-м, а можно на ваше удостоверение посмотреть? – спросил Станислав, не имея и малейшего представления, что должен увидеть.

– Пожалуйста.

Собеседник достал какую-то красную «корочку». В ней была выведена фамилия «Семёнов», а рядом – фотография, вроде похожая, и надпись «Федеральная служба порядка». За пиджаком у него виднелась кобура.

– Ну, пойдёмте.

Все вшестером, майор чуть впереди, направились к рас-

тущим в стороне густым высоким кустам. За ними стоял автотазак.

– Не беспокойтесь, это для вашей же безопасности, – сказал Семёнов, предвосхищая вопрос.

Сомнений стало меньше, когда дверцы открыли, и взгляду представилась весьма уютная, светлая, хорошо отремонтированная комната, по-другому и не скажешь. Там были стол, кресло, торшер, душевая кабина, холодильник, микроволновка, телевизор, даже ноутбук. Не было только окон.

«Золотая клетка, – возникла ассоциация у «будущего зека», касавшаяся как грузовика, так и всего увиденного на верхнем этаже. – А может и не золотая...»

Вот Станислав уже ехал, точнее его везли. Везли неизвестно зачем и куда, во всяком случае для него. Хотя, как он успел подумать, наверное, и для тех пятерых тоже, особенно что касается «зачем». А, быть может, и вовсе нет того, кто знает точный ответ?

Время прошло быстро. Оно незаметно летит, если приходится размышлять о чём-то новом и важном.

Когда кабину-комнату открыли, пассажир сидел в кресле. Ко всем остальным предметам он, к слову, даже не притрагивался.

– Ну, вот и приехали, – продолжил всё тот же майор. – Давай, поможем спуститься.

Автозак остановился напротив большого белого здания затейливой формы, окружённого чем-то вроде симпатичного французского парка. В голубом небе светило солнце, находившееся около своего зенита.

– Нам туда, – произнёс самый здоровый из пятерых, показав рукой на вход. – Я провожу.

Внутри было весьма красиво, уютно, почти как в грузовике. Более всего это походило на гостиницу, где на ресепшене сидела миленькая приветливая девушка.

– Будьте добры, организуйте номерок человеку.

– А, здравствуйте! Новенький? Как вас зовут?

– Да, здравствуйте. Станислав Евгеньевич Кучеров я.

– Так, сейчас посмотрим. Ага. К сожалению, у нас сейчас только трёхместные номера свободны. Вам какой лучше: с видом на дорогу, или на парк?

– На парк.

– Я тоже так думаю. Значит 301-й номер, на третьем этаже. Вот ключ. Сами найдёте?

– Найду.

– Лифты сразу справа, лестница за ними.

– Ага. Благодарю.

Новый постоялец поднялся по ступенькам. Подойдя к нужной двери, он несколько раз постучал, сначала тихо, потом громче. Но, не услышав ни звука в ответ, дёрнул ручку. Заперто. Пришлось открывать ключом.

Внутри было довольно просторно. Три кровати располагались как бы друг напротив друга по разным углам единственной комнаты, к которой примыкали кухня и отдельный санузел (естественно, за дверями).

В принципе, по сложенным вещам и наспех заправленным одеялам было видно, что свободна койка, ближе других стоящая к окну. Не смотря на сильную усталость, Станислав решил дождаться своих соседей, поэтому пока присел за находившийся посреди комнаты стол, и начал пристально, с претензией путешественника, приехавшего на отдых в дорогой отель, изучать свой номер. На стенах отсвечивали приятные голубоватые обои, на потолке висела люстра с из матового стекла с золотистыми вставками. Стоял телевизор, но так, что с кровати, где, по всей видимости, надлежало спать новенькому, экрана почти не было видно.

Прямо под носом лежала развёрнутая газета. В левом верхнем углу выделялся жирный заголовок: «Наглые «нижняки» лезут вверх», а рядом шла сама статья:

«28.08. представители сразу двух ведомств, службы порядка и чрезвычайной службы, заявили о проведении совместной успешной операции по пресечению незаконного проникновения целой группы жителей Нижнего этажа на Верхний в районе города № 12. Как сообщил «ВП» источник в силовых структурах, восемь человек намеревалась в ночь с 27 на 28.08 проникнуть к нам, выломав старый заваренный люк на севере города. Сведения об этом сообщил внедрён-

ный на Нижний этаж агент, имя которого по понятным причинам не называется. В настоящее время все восемь человек задержаны, двое дали признательные показания. Судьба всех будет решена в ближайшие дни палатой справедливости.

Это уже не первый случай, когда предотвращается столь массовое нарушение границы. Так, месяц назад пятеро нижних сумели пробраться в город № 3, а летом прошлого года незаконно проникли на Верхний этаж сразу тринадцать человек. К счастью, все они быстро были пойманы...»

– Ты что, на ключ не закрыл? – спросил мужчина с хрипотцой в голосе за дверью.

– Закрывал вроде, – ответил другой. – О! У нас похоже новенький. Новенький?

– Новенький, – произнёс Станислав, и слегка улыбнулся. Те оба тоже заулыбались, то ли в ответ, то ли просто, а может в предвкушении застолья.

На той самой газетке быстренько сообразили что-то отдалённо похожее на праздничный стол, с парой пакетов сока и «закуской». Конечно, суетились больше двое старожил. Мужчины познакомились. Выяснилось, что имя хрипловатого – Виктор, но его все называли просто Хриплым. Он был высокого роста, плечист, полностью лысый. Но в противоположность своему брутальному виду вёл себя скромно и любезно.

Второй мужчина – пониже, упитанный, с чёрными вьющимися волосами – намного активнее, постоянно говорил,

частенько перебивая собеседника, но, как успел понять новый жилец, не стремился к доминированию. Его звали Фёдором, прозвище – Говорун.

– Прошу заметить: птица-говорун отличается умом и сообразительностью! – произнёс он, разливая томатный сок по стаканам. – Ну, давайте, за знакомство.

Все трое выпили.

– Стас, надо тебе тоже кличку придумать, – сказал вдруг Хриплый. – У нас в тут в гостинице принято так. Вроде, давно повелось. Ты, вообще, сколько уже на Верхнем? Чем раньше занимался? Расскажи.

– Да собственно рассказывать особо нечего. Я здесь только сегодня появился. А как сюда вообще попадают?

– А пёс его знает, – произнёс Фёдор. – Как-то попадают. Через ворота. Ты ведь в очереди стоял, проходил?

– Стоял, проходил.

– Ну вот. А по профессии ты кто?

– Преподаватель. Философию преподаю. Точнее преподавал.

– О! Значит, будешь «Философ». Не против?

– Да нет. Философ, так Философ.

– Так ты у нас учёный, «голова». Как и Хриплый. Он юрист. А я слесарем на заводе тружусь.

– Это на самом деле здорово. Будущее за реальными профессиями, на них всё держится. А в своей работе я разочаровался, мне всё больше казалось, что пустой болтовнёй и

демагогией занимаюсь, поэтому и... поэтому так.

– Ну ладно, это ты завтра Хрюше будешь рассказывать.

– Кому?

– Кадровику, Степану Сергеевичу.

– А почему «Хрюша»?

– Потому что HR-менеджер. Так, к соку – перец маринованный. Ядрёный, зараза!

– Нет, не, я не буду. У меня язва, – отверг предложение Станислав. – Я вообще всё, больше ничего не буду. Спасибо, извините.

Никакой язвы у него, конечно, не было. Просто до жути не нравились ему подобные посиделки и шумные компании. Но главное – огромное нежелание рассказывать всё это и потом пытаться объяснять «почему?», тем более ответа на данный вопрос полностью не знал и сам. Так что перчёная еда на столе оказалась очень кстати.

– Ну вот, а мы как, вдвоём будем?

– Давай до завтра оставим, – предложил Виктор.

– Ну, давай. На завтра, так на завтра. Ну а как тебе, Философ, вообще здесь, нравится?

– Пока не понял. Очень много непонятного.

– Например?

– Ну, вот хотя бы, кто такие «служба порядка»?

– А. Порядочники. Ну, служба порядка – это организация, которые типа за порядком следят, чтобы законы не нарушали, «нижняки» не лезли.

– В общем, хорошие ребята, да?

– Ну как тебе сказать. Среди них много и подонков всяких, которые думают, что власть получили и им теперь всё можно. И, бывает, силу применяют по поводу и без повода, честных людей обвиняют, взятки берут...

– Хм, интересно.

– Да. Но сейчас там вроде чистку масштабную провели, может и действительно лучше всё будет.

– А-а. А «чрезвычайная служба»? Кто такие?

– О, брат, это серьёзные ребята. С ними лучше не связываться.

– А они чем занимаются?

– Да по сути тем же самым, только в глобальном масштабе. Они против и внутренних, и внешних врагов работают. Во всех городах, на разных территориях. И на Нижнем работают, но в наших интересах, понимаешь?

– Вроде понимаю. А там тоже подонков хватает?

– Не знаю даже. У черистов всё закрыто, всё секретно. Про них говорят немного, мало что известно.

– Да мне кажется, – вступил в разговор Хриплый, – что там такой отбор, проходят который только люди кристально чистые, с биографией белой, как чистый лист бумаги.

– Ну, может и так.

– А ты сказал, что во всех городах. А у нас какой?

– Известно какой, Четвёртый. Четвёртый город Третьей территории.

– Они по номерам? И города, и территории?

– Да, по номерам.

– А от чего нумерация зависит.

– Не знаю. От величины наверное. Да, скорее всего так.

– Интересно. Ладно, мужики, я на боковую, устал жутко.

Приятно было посидеть. Я так понимаю, моя кровать вот эта, у окна?

– Правильно понимаешь, – ответил Говорун. – Что, не любишь у окна? Да ты не волнуйся, зимой там не дует, а летом можно открыть, свежо.

– Да нет, всё отлично. А бельё дадут?

– Бельё в тумбочке, рядом с койкой. Там полно всякой всячины, посмотри. «Предметы первой необходимости».

Полки за дверцей действительно были буквально набиты. Помимо пододеяльника, простыни и наволочки, в ней лежали зубная паста с щёткой, мыло, бритвенный станок, два полотенца, три комплекта нижнего белья, блокнот с ручкой и даже настольные часы.

Станислав застелил койку, прилёг, и решил выставить время.

– Ребят, а который час? Только точно.

– Три часа семнадцать минут, – отозвался Фёдор. – Точно.

– Спасибо. Так, слушайте, а число сегодня какое?

– Двадцать девятое августа.

– Двадцать девятое? Так, а год?

– А года у нас не принято считать.

– Это ещё почему?

– А хрен его знает. Не считаем, и всё. Также, как когда ты про время узнавал, я секунды не говорил. Просто неприятно. Да и незачем особо.

Было ещё много вопросов, которые хотелось задать, и их количество нарастало, как снежный ком. Но уж очень тянуло в сон, да и сильно напрягать соседей в первые часы знакомства было не комильфо.

Новый постоялец проснулся в ночи, когда стрелки показывали пять минут двенадцатого. Хриплый и Говорун, едва освещаемые пробивавшимся через штору голубоватым светом фонаря, спали. Он тоже попробовал заснуть, но около часа спустя, поняв бесперспективность этой затеи, оделся и пошёл подышать на улицу.

В темном небе сияла почти полная растущая луна и бесчисленное количество звёзд. Дул приятный тёплый ветерок, по ощущениям было градусов восемнадцать. В общем, погода располагала к променаду.

– Здравствуйте, – поздоровался какой-то мужчина в униформе, нарушив тишину. – Вы что тут делаете?

– Здравствуйте. Да, гуляю просто. Не спится мне.

– Здесь живёте? – спросил тот, кивая на гостиницу, которую Философ, однако, сам для себя окрестил общежитием.

– Здесь.

– Паспорт покажите.

– Да нет у меня паспорта. Если честно, даже не знал, что он должен быть.

– Новенький что ли?

– Да. Сегодня заселился.

– Как фамилия?

– Кучеров.

– А-а. Вроде был такой. Ладно, счастливой прогулки.

– Всего хорошего. А с паспортом мне что делать?

– Завтра вам всё скажут.

Выход на воздух имел три основные цели: получить эстетическое удовольствие, узнать план территории и, пожалуй, главное – подумать. Первое, в принципе, уже состоялось, хоть и в слегка подпорченном охранником виде.

Второе было тоже делом нехитрым. Следовало обойти здание вокруг. Оно состояло из нескольких параллельных «крыльев», окна которых преимущественно смотрели друг на друга и во двор. В свете фонарей, стоявших по периметру, представала странная картина: между форточками соседствующих частей гостиницы была натянута двойная верёвка, по которой перемещался то ли лист бумаги, то ли какой-то пакет.

В целом же всё выглядело очень достойно. Кругом было зелено, стояли деревья, а возле одного из углов огороженного симпатичным забором участка даже находился пруд с утками.

Гораздо сложнее дело обстояло с размышлениями. Нет,

вопросов – хоть отбавляй, и чётко сформулировать их нетрудно. Но, сосуд, из которого можно черпать информацию для ответов, был практически пуст.

«Где я нахожусь?», «Что меня ждёт?», «Это и есть вечный покой?», «А могу ли умереть здесь?»... Голова буквально разрывалась, не находя точки опоры для мыслей. Дабы не тронуться умом, стоило подумать о посторонних темах. Кто-то назовёт их глупыми, бессмысленными и непонятными, но для других они – глобальные и основные в мироздании.

Станислав вернулся в номер, достал блокнот с ручкой и начал писать:

«Слово «счастье» можно уподобить словосочетанию «уровень жизни». Знак равенства между ними ставить нельзя, но понятия чем-то близки. Но как определить их величину?

Философ замер на некоторое время. Ему вдруг подумалось, будто жизнь – это такая компьютерная игра, в которой каждой доходит до определённого уровня, что собственно и называют «уровнем жизни». Причём «level up» можно совершить разными способами: кто-то очень талантлив и у него всё само легко получается, кто-то упорно тренируется, третий знает секретные коды, другой попросту взламывает систему... И чем выше, дальше человек взобрался в этой игре, тем обиднее и больнее оттуда падать, терпеть фиаско.

Эти мысли он записывать не стал, а начертил следующее: «Возможно, не так важно, что такое «уровень жизни». Гораз-

до важнее, откуда его отмерять, в какую сторону и какой линейкой. Важна, так сказать, система координат, которая своя у разных индивидуумов. Каждому нужно найти своё место в жизни, чётко определить жизненные ценности, ориентиры, цели и чётко им следовать».

30.08.

Философ проснулся, когда его соседи уже были одеты и куда-то собирались.

– Доброе утро.

– Доброе, – ответил Виктор.

– О-о! – отозвался Фёдор. – Доброе утро, полуночник. Ты куда на ночь глядя вчера уходил?

– Так, прогуляться.

– А писал потом что?

– Да мысли я свои записываю. Ну не все конечно. Книгу собираюсь писать.

– О чём?

– О счастье.

– Ого. Ну и что такое счастье?

– Не знаю. Я вот разные точки зрения «собираю», так сказать. Может, и вы поделитесь своими взглядами?

– Я тебе вот что скажу. Пока ты себе голову этим будешь забивать, счастливым никогда не станешь. Эти все поиски непонятно чего и зачем ещё ни к чему хорошему не приводили. Выбрось всю эту глупость из головы, найди бабу себе, занятие по душе, и живи в удовольствие.

– Хм. Интересно. Я подумаю над этим.

– Подумай, подумай. А нам пора уже.

– А вы куда?

– Завтракать. Давай с нами.

– Завтракать? Не, я попозже.

– Как знаешь. Если что, столовая на первом этаже, ну, спросишь там.

– Ага, найду. Спасибо.

Соседи ушли, но сильно тише не стало: работал телевизор. Диктор – женщина средних лет в строгом костюме – рассказывала что-то про сельское хозяйство:

«В связи с аномально засушливым летом урожай зерновых в текущем году ожидается меньше прогнозируемого. Этот вопрос был ключевым на сегодняшнем заседании министров. Господин поинтересовался у главы минсельхоза, как обстоят дела со снабжением зерном всех регионов».

Дальше крупно показали усатого мужика в пиджаке, с умным видом объясняющего ситуацию:

«Действительно, в связи рекордно жарким летом урожай будет меньше запланированного. Но могу заверить, что он полностью покрывает всю внутреннюю потребность, и даже останутся излишки, которые могут быть реализованы на внешних рынках».

«После заседания господин отправился загород, – продолжила ведущая, – в одно из сельхоз предприятий. Там он лично проинспектировал весь цикл работы, и даже сам поучаствовал в сборе пшеницы». В это время показывали какого-то невысокого, полноватого мужика с залысинами, едущего на комбайне по полю.

Станислав выключил ТВ. Единственные более или менее интересующие его передачи – новости – тоже всё больше разочаровывали своей однобокостью и необъективностью, что, вероятно, относилось к каждому странам и мирам.

Гораздо больше хотелось попросту подремать. Он прилёг, но буквально через пару минут в номер постучали.

– Открыто.

Дверь медленно отварилаь, и внутрь нерешительно зашёл полноватый мужчина в очках и с небольшой бородкой.

– Здравствуйте. Я Степан Сергеевич, буду заниматься вашим трудоустройством.

– Доброе утро. Станислав Евгеньевич.

– Пройдёте в мой кабинет.

– Сейчас. Только оденусь.

Кадровик располагался на первом этаже. Проходя мимо администратора, его спутник поинтересовался на счёт паспорта.

– Да, да, сделаем.

Кабинет казался обычным для чиновника подобного типа и ранга: тесноват, отремонтирован явно недавно, всё в нём без особого шика, за исключением люксового ноутбука.

– Значит вы у нас Кучеров Станислав Евгеньевич, верно?

– Всё так.

– Ага. И когда появились на Третьей территории Верхнего

этажа?

– Вчера.

– То есть двадцать девятого августа. Замечательно. А попали через охранников, сразу?

– Ну да.

– Проживаете в этой гостинице, в триста первом номере?

– Верно. Вы знаете, у меня складывается ощущение, что вы про меня здесь знаете больше, чем я сам.

– Положено всё спрашивать. Не я придумал.

Тут заработал принтер. Хрюша встал, забрал выехавшую книжицу и протянул её собеседнику.

– Ваш паспорт. Только на последней странице распишитесь. Ага. И вот здесь ещё, где галочка, что получили, ага. Всё.

– Я могу идти?

– Вы знаете, я бы хотел ещё обсудить с вами работу. Вы ведь собираетесь работать?

– А это обязательно?

– Если хотите получать деньги, то да.

– А зачем они нужны? Может я не так выразился. На что их тут можно потратить, и что я получу без них? Ведь в гостинице должно быть обслуживание.

– Да, если не будете работать, территория вас не оставит. Но придётся переехать в другую гостиницу, некомфортательную, где будут кормить, но только раз в день самой простой кухней. Ну и будут давать минимальное пособие. А

купить здесь за деньги можно практически всё: еду, одежду, развлечения.

– Понятно. А здесь, кстати, как кормят?

– Три раза в день, в столовой. Хорошая столовая, сам там питаюсь. Плюс постоянно открыто кафе, но уже «а ля карт».

Итак, вы будете работать?

– Ну что ж, буду.

– Замечательно. А скажите, пожалуйста, кто вы по профессии?

– Философ. Преподавал в ВУЗе.

– Ого. И какой стаж?

– Восемь лет почти.

– А степень какая?

– Доцент, кандидат наук.

– Публиковались?

– Да писал статьи. Двадцать восемь, если не ошибаюсь.

– И что, нравилось?

– Ну как вам сказать. Просто единственное, чем бы мне действительно хотелось заниматься – это размышлять. На самые разные темы: о жизни, любви, искусстве, мироздании и мироустройстве, государстве и политике, и так далее. Но размышлять в общем, а не в частности, понимаете?

– Думаю да.

– И единственная профессия, где я этим более или менее занимаюсь – именно преподаватель, именно философии, и именно в ВУЗе.

– Хорошо. А есть ли что-то, от чего вы не устаёте? Чем хотелось бы заниматься бесконечно?

– Даже не знаю. Может быть книги писать. Да, пожалуй, так. Только умные книги. И если бы хорошие интересные мысли посещали мою голову постоянно, я бы тут же переводил их на бумагу. И не столько, чтобы потом издать и заработать, а чтобы не забыть.

– Очень интересно. Да, думаю лучшего места работы не найти. Согласны преподавать философию в нашем четвертогорском университете?

– Хм. А другие варианты есть? Я имею в виду другой ВУЗ, или может даже город? Этот университет он вообще как, какого уровня?

– Четвертогорский – лучший в нашем городе. Входит в пятнадцать топовых всей Третьей территории. А вы бы что конкретно хотели бы преподавать?

– Ну, мне более всего близки основы: объект и субъект там, идеализм и материализм. Правда есть ещё давняя мечта – делать что-то вроде семинаров, хотя бы факультативом, на отдельные свободные темы, разные, обсуждать их со студентами. Короче в форме свободного общения.

– Да, интересно. Обучение в виде диалога, свободного интерактивного общения сейчас очень популярно. Говорят, оно действеннее обычного. Что ж, я поговорю с деканом, думаю, решим это.

– Спасибо.

– Пока не за что. У вас есть какие-то вопросы?

Возникла небольшая пауза.

– Есть. Хотел бы узнать, как я здесь оказался?

– А вы не помните?

– Нет. Стоял в очереди, да. Ворота. Но там-то как очутился?

– А может лучше этого и не знать? Понимаете, память, как и информация, может быть очень вредна и опасна. Да и я, признаюсь, тоже не в курсе. Ещё есть вопросы?

– Скажите, люди под нами живут хуже?

– Намного хуже.

– А почему одни живут на Верхнем этаже, а другие – на Нижнем?

– Они сами виноваты. Надо жить нормально, честно, работать, а не дурака валять, винить всех вокруг и криминалом заниматься.

– Но мне кажется, многое зависит не от самого человека. Во-первых, сама личность определяется генами своих родителей и условиями воспитания, в том числе местом рождения. А во-вторых, действия любого объекта, в том и числе и живого – это лишь ответ на влияние окружающих факторов. И чем они труднее и агрессивнее, тем более ненормальное, о чём вы говорили, поведение они вызывают.

– То есть вы считаете, что всё это распределение случайно и от самого человека не зависит? А я вам так скажу. Просто факты приведу: более десяти процентов, оказавшихся вни-

зу, совершенно легально, справедливо и по заслугам попадают наверх. И почти десять – наоборот, с Верхнего из-за своего беспредела, безделья и прочих качеств спускаются на Нижний. Просто нужно работать, работать над собой, тогда всё будет хорошо. Ладно, это лучше будет вам со студентами своими обсудить.

– Так, а когда приходиться, и куда?

– Как обычно: первого сентября – торжественная часть, а со второго уже учёба. Вот первого приходите, там по времени, по графику уже договоритесь. Университет в центре находится, на Пятой улице, дом 1. Недалеко от нас, так сказать, в шаговой доступности. Вот, кстати, вам карта, пригодится. Найдёте сами?

– Найду, спасибо.

– Ну тогда всё, успехов.

– И вам того же.

01.09.

Будильник предательски нарушил приятный сон Станислава, в котором тот очень ярко и увлекательно что-то рассказывал студентам, а те сидели, и, открыв рты, слушали. А на первом ряду была и внимала его речь та самая блондинка из очереди.

Соседи по комнате ещё лежали в кроватях, но не спали.

– Вставайте, сони, вам ведь тоже на работу.

– Встаём, – пробормотал Говорун, и повернулся на другой бок.

– Ладно, вы лежите, а я пойду завтракать.

Кормили в гостинице прилично. Утром, к примеру, давали вовсе не каши, как можно было бы подумать, а творог, яйца, колбасу, сыр, масло, пирожные (правда без особого разнообразия) ну и конечно хлеб. Были чай, кофе, соки. Этот ассортимент действительно более соответствовал именно гостинице.

После еды Философ поднялся обратно в номер, почистил зубы и принял душ. Его эмоциональное состояние было приподнятым и даже слегка эйфоричным. Оно не оставляло выбора: до первого дома Пятой улицы надо идти пешком.

Погоду в этот день Всевышний послал соответствующую: солнечную, почти безветренную, в самую меру тёплую.

Наконец цель была перед глазами. На широкой площадке у здания университета вокруг невысокой сцены по факультетам кучковались первокурсники, с таким же приподнято-эйфоричным зарядом. Им ведь пока невдомёк, что поступить – только полдела. Надо ещё доучиться и закончить.

Наш герой не любил всего этого официоза, глупых напутственных речей и поздравлений, поэтому направился мимо толпы сразу к входу.

– Ваш пропуск, – строго произнёс охранник.

– Пропуск? А-а, у меня нет. Я новенький, в смысле преподаватель новый.

– А. Да, меня предупредили. Кучеров?

– Всё так, Кучеров Станислав.

– Хорошо, вот, держите пропуск. И вот здесь распишитесь. Всё.

– Всё, спасибо, доброго дня.

– Стойте. Вам куда нужно-то?

– Не знаю. Так полагаю, что к декану.

– Он в сто седьмом кабинете, на первом этаже, справа по коридору.

– А-а. Спасибо.

Нужная дверь находилась совсем рядом, но из-за неё доносились непонятный шорох, пыхтение и чертыханья, так что было непросто решиться открыть её и даже постучать. Но тут из кабинета вышла молодая женщина.

– Вы к Анатолию Сидоровичу?

– А-а-м. К Анатолию Сидоровичу. Он ведь декан?

– Да. Одну секундочку. Анатолий Сидорович, к вам тут какой-то мужчина.

– Пусть заходит, – слышалось из кабинета.

– Проходите, – сказала дама и куда-то побежала.

– Здравствуйте, Анатолий Сидорович, – зашёл Философ внутрь. – Я Станислав Кучеров, новый преподаватель, вас должны были предупредить.

– А, Станислав Евгеньевич. Да, было дело. Весьма рад знакомству.

– Взаимно.

– Слышал о ваших научных трудах, некоторые даже почитал. Хотите моё мнение? Десять баллов! Рад, что в нашем коллективе будет такой человек.

– Благодарю.

– Не стоит. Вы извините за этот бардак, особенно на столе. Ну, сами понимаете, новый учебный год, столько всяких дел, бумажной волокиты...

– Конечно, ничего страшного.

– Так. Вот ключ от вашего кабинета. Номер пять. Он на нулевом этаже, то есть в подвале, но не беспокойтесь, там очень даже чистенько, уютненько.

– Спасибо. Но меня больше интересуют два других вопроса: расписание моих занятий и факультатив.

– Позвольте, я сперва своё мнение выскажу, мысли вслух. Мне говорили на счёт факультатива. Что ж, идея интересная,

но, к сожалению, выделить время на него мы можем только вечером, после основных занятий. Сами понимаете, все дни забиты. Поэтому считаю разумным, чтобы основные ваши занятия проходили тоже во второй половине. Ведь так удобнее: чтобы день не разбивать, согласны? Собственно, расписание по большей части так и составлено. Вы не против?

– Да, это разумно.

– Замечательно, тогда вот, возьмите, тут всё написано, когда, во сколько. Нет, если что-то не нравится, не можете когда-то, мы можем переделать, скажите.

– Не нужно, – ответил Станислав, просмотрев вручённый листок. – Всё отлично. Благодарю. Я могу идти?

– Конечно, что вы спрашиваете. Если больше нет вопросов, то всего доброго и до встречи, Станислав Евгеньевич. Был рад знакомству.

– Мне тоже было приятно. До свидания.

Выйдя в коридор, новый преподаватель сначала направился к выходу, но затем решил заглянуть в свой кабинет и пошёл в обратную сторону.

На двери, которая была настежь открыта, под металлической цифрой «5» висел бумажный лист с напечатанным именем «Горченко А. В.». Внутри же находился явно раздосадованный неясным обстоятельством мужчина, который то ли искал что-то, разбрасывая всё вокруг, то ли намеренно навёл беспорядок.

– Простите, это пятый кабинет? – задал глупый вопрос

Станислав, не зная, как начать беседу.

– Пятый, пятый.

– Простите, но декан только что сказал, что это мой кабинет.

– А, так ты новенький?

– Я.

– Ну, бывай, новенький.

Тот обозлённый быстро ушёл прочь, задев плечом собеседника.

– Эй! – окрикнул его Философ.

Но никакой реакции не последовало.

– Не обращай внимания, – донёсся голос сзади.

– Здравствуйте. Я и не заметил, как вы подошли.

– Геннадий Иванович. Можно просто Гена, – представился молодой человек лет двадцати восьми, модно одетый и с острой бородкой.

– Станислав Евгеньевич. Стас. А чего это он?

– Не обращай внимания. Просто его уволили буквально вчера. И судя по всему, из-за тебя.

– Как? А при чём тут я?

– Ты ведь новый преподаватель?

– Да.

– А раньше он на твоём месте был. Декан подумал, посмотрел на твои заслуги, и решил такую рокировку сделать.

– М-да, неудобно как-то получилось.

– Неудобно, знаешь ли, штаны через голову надевать.

Гена взглянул на беспорядок в кабинете.

– Неплохой пейзаж. Тебе помочь?

– Да сам справлюсь. Хотя, если есть желание...

– Давай помогу.

Новые знакомые принялись поднимать все бумаги и пытаться хоть как-то в них разобраться, рассортировать их.

– Слушай, Гена, а ты что преподаёшь?

– Как что, философию.

– Я имею в виду конкретнее.

– А. На религии специализируюсь.

– Интересно.

– Относительно. А зачем тебе?

– Да так. Я вот книгу пишу. Про счастье. Нужно с разных точек зрения рассмотреть. Вот ты можешь сказать, что такое счастье?

– Ну что. Я пришёл к выводу, что все религии схожи. И сводятся они, по сути, к тому, что всё, в том числе и счастье, нужно искать в себе. Особенно чётко это в буддизме прослеживается: колебания дхарм, нирвана. Сам знаешь, наверное. То есть нужно избавиться от желаний и внешних раздражителей, заставляющих постоянно что-то брать от окружающего мира, потреблять безмерно. Нужно уйти во внутренний мир, духовный, довольствоваться им и минимальными благами материальными. Счастье внутри нас, нужно только найти к нему дорогу.

– Да уж, знать бы, где она, эта дорога.

– Да в принципе, известно где. В христианстве и исламе это святое почитание заповедей, священных писаний, следование им. Плюс посещение церквей и мечетей, молитвы. Но мне, откровенно говоря, ближе буддизм. Там вообще никакие внешние элементы не требуются: сел на пол и медитируй, пока просветление не наступит.

– Получалось?

– Ну, насчёт полной нирваны не уверен, но в голове ясно и как-то легко становилось. Ладно, у меня перерыв.

Геннадий прямо посреди кабинета уселся в позу «лотос», закрыл глаза, набрал воздуха и начал выдыхать с глубоким звуком «м».

– Давай со мной? – прервал он своё «мычание», не поднимая век.

– А? Нет. Я этого не умею ничего. Да и прибраться надо.

– Зря. Тогда может и не спрашивал бы, что такое счастье.

М-м-м-м-м...

18.09.

Шли дни. Станислав осваивался в университете, гостинице и во всём новом для него мире. Самым удивительным стало то, что никаких особых отличий от его старой жизни не было. Он как бы сроднился с этой реальностью, причём достаточно, чтобы начать в ней баловаться пивком, хоть и безалкогольным.

– Доброго вечера. Две бутылочки «Хмельного-фри», пожалуйста.

– Пожалуйста. Доллар пятьдесят центов. Ой, а без сдачи не будет?

– Увы, мелочи нет.

– Ой. Тогда, может, билетик лотерейный возьмёте. Как раз ровно получается.

Покупатель прекрасно понимал: это наверняка ложь и просто способ увеличить продажи – но у него было слишком хорошее настроение, чтобы пытаться что-то доказывать или искать другой магазин.

– Ладно, давайте.

Две бутылки брались им почти всегда. Одна выпивалась по дороге, вторая оставалась на вечер, для дома, или теперь гостиницы.

– О, здорово, Философ, – произнёс Фёдор, лежавший в

кровати.

– Привет, – подхватил Хриплый.

– Здорово, ребята.

– Опа, ты никак запил? – с долей юморной претензии спросил Говорун. – А язва?

– Так это безалкогольное.

– А есть ли смысл в безалкогольном?

– Думаю, что только такое и надо. Для вкуса, от жажды.

Почки промыть. А напиваются, как мне видится, только в двух случаях: когда в компаниях идёт что-то вроде негласного соревнования – кто больше выпьет, ну и когда алкоголизм. Только голова на утро болеть будет.

– Думаю, большая часть населения с тобой не согласится.

Я имею в виду не по поводу головы, а всего остального.

– Может быть. Ну, как говорится, каждому своё. Может поделиться с вами?

– А это какое?

– «Хмельное-фри».

– «Хмельное» мы пробовали. Вот если бы ты «Господского» предложил...

– Ха. «Господское» пить зарплата преподавателя не позволяет.

– Да. Будь у меня миллиончик-другой баксов, я бы себе регулярно «Господское» позволял. А ещё бы «Чёрного Пирата», и закусывал бы бутербродами с чёрной икрой. И происходило бы это в самых дорогих ресторанах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.